

УДК 1(091)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО

ФАЙЕРАБЕНДА

ВВЕДЕНИЕ¹

И. Кант*

Воле человека вся природа, за исключением других разумных существ, подчинена настолько, насколько только может хватить ее силы. Разумом вещи в природе могут рассматриваться только как средства к целям, и только лишь человек может рассматриваться как самоцель. Я не мог бы мыслить себе в других вещах никакой ценности, если я не рассматривал бы их как средства к другим целям; например, Луна обладает для нас ценностью, поскольку она освещает землю, вызывает отлив и прилив и др. Существование вещей не имеет ценности, если нет того, кто не может их употребить, то есть если разумное существо не использует их как средства. Даже животные сами по себе не обладают ценностью, так как они не осознают своего существования. Итак, человек есть цель творения. Но он, в свою очередь, также может использоваться другим разумным существом как средство, но никогда оно [разумное существо]² не является только лишь средством, но является в то же время и целью, например, если каменщик служит мне средством для строительства дома, то и я опять же служу ему средством, давая возможность заработать деньги. В «Опыте о человеке» А. Поупа гусь говорит: «Человек тоже мне служит, так как он насыпает мне корм»³. В мире же как системе целей должна быть в конце концов некая цель, и это — разумное

¹ Перевод осуществлен по изданию: *Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale* (Naturrecht Feyerabend). Testo tedesco a fronte / a cura di N. Hinske, G.S. Bordoni. Milano, 2016. P. 68–78. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №16-03-00806а.

* Поступила в редакцию: 19.04.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-3-7

© Крыштоп Л. Э., пер., 2016

² Поуп Александр (1688–1744) — известный английский поэт, один из крупнейших представителей британского классицизма. Наряду с Галлером, Поуп был одним из немногих современных Канту поэтов, на которых тот ссылался в своих печатных работах, причем как докритического (АА, II, S. 137; Кант, 1994в, с. 467; АА, I, S. 241, 259, 349; Кант, 1994б, с. 135, 151, 241 и др.), так и критического периода (АА, VIII, S. 353; Кант, 1994г, с. 18). Достаточно много упоминаний Поупа мы находим в лекциях Канта по антропологии (АА, VII, S. 210, 267, 274, 305; Кант, 1994а, с. 238, 302, 311, 343) (здесь и далее примеч. пер.; ссылки даны на источники из списка литературы к предыдущей статье).

³ См.: *Pope A. Essay on Man and Other Poems // Pope's Poetical Works*. L., 1828. Vol. 2. P. 25.

существо. Если бы не было цели, то и средства были бы напрасны и не имели бы ценности. — Человек является целью, поэтому то, что он должен быть только лишь средством, противоречит само себе. — Если я заключаю договор со служащим, то он тоже должен быть целью, как и я, а не только лишь средством. Он тоже должен желать. — Следовательно, человеческая воля ограничена условием всеобщего согласия воли других. — Если должна существовать система целей, то цель и воля одного разумного существа должны согласовываться с таковыми каждого другого. Вся природа не ограничивает воли человека (хотя это и не распространяется на способности), но последняя ограничивается волей других людей. — Ибо каждый человек сам является целью, и поэтому он не может быть только лишь средством. Я не могу ничего отделить от поля другого, дабы тем самым расширить мое⁴; ибо тогда другой был бы только лишь средством. Это ограничение зиждется на условиях максимального всеобщего согласия воли других. Помимо самого человека, нет ничего более достойного уважения, чем право людей. — Именно человек является целью самой по себе, поэтому только он может обладать внутренней ценностью, то есть достоинством, которое нельзя заменить никаким эквивалентом. Другие вещи обладают внешней ценностью, то есть ценой, которой каждая вещь, пригодная для той же самой цели, может служить эквивалентом. Внутренняя ценность человека зиждется на его свободе, на том, что он обладает собственной волей. Так как он должен быть конечной целью, то его воля не должна больше ни от чего зависеть. — Животные обладают волей, но это не их собственная воля, а воля природы. Свобода — это условие, при котором сам человек только и может быть целью. Другие вещи не обладают волей, а должны устраиваться по чужой (*nach andern Willen*) воле и использоваться в качестве средств. Следовательно, если человек должен быть целью самой по себе, то он должен обладать собственной волей, ибо он не может позволять использовать себя как средство. Право — это ограничение свободы, на основании которого она может сосуществовать со свободой каждого другого согласно всеобщему правилу. [Оно применяется], если кому-то нравится место, которое занято кем-то другим, и он хотел бы его оттуда согнать. Я могу сидеть там, где я хочу, а он там, где он хочет. Но если он сидит, то я не могу сидеть в то же самое время на том же месте. Поэтому должно существовать всеобщее правило, по которому возможна свобода обоих. Следовательно, я нечто ему обещаю, и тогда он хотя и средство, но также и цель. Является ли ограничение свободы необходимым, и не может ли свобода быть ограничена иначе, чем самой собой, в соответствии со всеобщим правилом, чтобы она могла сосуществовать с самой собой? Если бы люди не были свободны, то их воля была бы устроена по всеобщим законам. Но если бы каждый был свободен без закона, то не могло бы быть помыслено ничего страшнее это-

⁴ Значение данного примера с полем не до конца ясно. Дж. С. Бордони в комментарии к переводу данного фрагмента на итальянский полагает, что, возможно, Кант подразумевает здесь обычаи захватнических времен (Bordoni, 2016 b, p. 236). Можно также предположить, что у Канта здесь присутствует аллюзия на библейскую цитату (Ис. 5: 8), выражающую протест Исайи против несправедливого положения дел, когда земля, великий дар Бога, сосредоточивалась в руках лишь немногих, причем даже у правителя не имелось никаких действенных средств помешать разорению и захвату земель простых евреев. Утрата же своего земельного надела в то время неминуемо вела к тому, что человек был вынужден отдавать себя в рабство — см.: (Wildberger, 1972, S. 183—184).

го. Ибо каждый делал бы с другим, что он хотел бы, и так никто не был бы свободен. Стоит не так сильно бояться самого дикого животного, как человека, лишённого закона. Поэтому Робинзон Крузо по прошествии нескольких лет на своем пустынном острове, когда увидел следы человека, так испугался, что с тех пор не был спокоен и проводил ночи без сна⁵. — Поэтому и матросы не раздумывали над тем, чтобы сразу же застрелить насмерть дикаря на неизвестном острове, так как не знали, чего можно от него ожидать. — Наблюдаем мы также и смерть рыцаря *Мариона*⁶, месяц прожившего с дикарями в крепкой дружбе и не сделавшего им ничего, что бы их расстроило, но которого они затем съели вместе с двадцатью двумя матросами только лишь потому, что они хотели его съесть.

Ибо животное руководствуется своим инстинктом; тот же, у кого нет правила, — в отношении такого человека я ни в малейшей степени не могу знать, чего от него ожидать. *Шпарманн*⁷, рассказывая о своем путешествии к предгорьям мыса Доброй Надежды, [отмечает], что львы не преследуют свою жертву, а подкрадываются [к ней], и когда полагают, что находятся достаточно близко, то делают прыжок, и если упускают свою жертву, то отступают на шаг назад, как будто они хотели бы посмотреть, в чем они ошиблись, и затем отползают. Люди это знают и могут этим руководствоваться. Так, однажды один готтентот возвращался домой, а лев крался за ним издалека. Но он знал, что не сможет дойти до дома раньше вечера и что тогда лев непременно его разорвет на части. Поэтому он снял с себя свою одежду и повесил ее на палку, что означало, как будто он там стоял. Сам же он вырубил себе пещеру в горе и спрятался. Лев медленно приблизился и сделал прыжок, но так как палка сразу же упала, он вместе с ней рухнул на гору и затем удалился. Но когда лев сильно голоден, он преследует жертву.

Следовательно, свобода должна ограничиваться, но посредством природных законов это невозможно; ибо в противном случае человек не был бы свободен; следовательно, он должен сам себя ограничивать. Таким образом, право основывается на ограничении свободы. Это объяснить проще,

⁵ См.: *Defoe D. The Life and Strange Surprizing Adventures of Robinson Crusoe. L., 1719.* Первый перевод на немецкий язык вышел в 1720 году: *Defoe D. Das Leben und die ganz ungemeyne Begebenheiten des berühmten Engländers Mr. Robinson Crusoe. Hamburg, 1720.* Русский перевод см.: *Дефо Д. Робинзон Крузо. М., 1979.*

⁶ Имеется в виду Марк Жозеф Марион-Дюфрен (1724–1772), французский мореплаватель, совершивший путешествие к берегам Новой Зеландии, но не поладивший с населявшим ее племенем маори, представители которого и съели его. Канту данная история могла стать известна из книги: *Neue Reise durch die Südsee im Jahre 1771 und 1772, angefangen von dem Herrn von Marion und geendiget durch den Ritter Duclesmeur, aus den Tagebüchern der Schiffe zusammengetragen von Herrn Crozet. Leipzig, 1783.* Эта работа представляла собой перевод с французского книги А. Рохона: *Rochon A. Nouveau Voyage à la mer du Sud, commencé sous les ordres de Marion, Chevalier de l'Ordre royal et militaire de S. Louis, Capitaine de brûlot; et achevé, après la mort de cet Officier, fous ceux de M. Le Chevalier Duclesmeur, Garde de la Marine. Cette Relation a été rédigée d'après les Plans et Journaux de M. Crozet. P., 1783.*

⁷ См. вольный перевод со шведского Хр. Х. Гроскурда с сопроводительной статьей Г. Форстера: *Sparrmann A. Reise nach dem Vorgebirge der guten Hoffnung, den südlichen Polarländern und um die Welt, hauptsächlich aber in den Ländern der Hottentotten und Kaffern in den Jahren 1772 bis 1776. Berlin, 1784.* Ссылка на эту работу присутствует также в лекциях Канта по антропологии — см.: *Anthropologie Mrongovius (AA, XXV, S. 1413, 1646).*

чем долг. — В случае права счастье совершенно не учитывается, ибо его каждый может стремиться достичь так, как ему хочется.

Но пока что еще совершенно не удалось из принципов определить место *jure naturae*⁸ в системе практической философии и указать границы между ним и моралью. Поэтому разные положения обеих наук сливаются воедино. — Следовательно, для того чтобы разрешить эту проблему, нужно постараться развить понятия права. Мы хотим то, что было ранее изложено примерно, попытаться сделать сейчас более методично.

То, что некая вещь должна существовать как цель сама по себе и что не все вещи могут быть только лишь средствами, в системе целей так же необходимо, как и в ряду действующих причин необходимо *Ens a se*⁹. Вещь, которая является целью самой по себе, есть *Bonum a se*¹⁰. То, что может быть использовано только лишь как средство, обладает ценностью только лишь как средство, когда оно используется в качестве такового. Сверх этого должно быть существо, которое является целью само по себе. Вещь в природе является средством для другой [вещи], и это постоянно продолжается, и необходимо в конце мыслить вещь, которая сама есть цель, в противном случае ряд не имел бы конца.

В ряду действующих причин всё есть *ens ab alio*¹¹, но в конце концов мы все же должны прийти к *ens a se*¹². В желании цель — это причина, почему существует средство. Вещь есть средство другой [вещи], поэтому в конце концов должна быть вещь, которая больше не является средством, но является целью самой по себе. Но как существо само по себе может быть только лишь целью и никогда средством — [это] так же непостижимо, как и то, что в ряду причин должно быть необходимое существо. Между тем мы должны принимать то и другое из-за потребности нашего разума все приводить к полноте. То, что человек никогда не может рассматривать что-то иначе, чем как обусловленное, никогда не может рассматривать нечто как лишенное основания, уже заложено в природе человеческого разума, а в *ens* и *bonum a se*¹³ нет основания для них. Я говорю, что человек существует, чтобы быть счастливым. Но почему имеет ценность быть счастливым? Это обладает лишь обусловленной ценностью, и именно потому, что существование человека имеет ценность. Почему же существование обладает ценностью? Так как оно угодно Богу. Ибо само по себе оно не имеет ценности. А теперь я могу спросить, почему же существование Бога имеет ценность?

Человек есть цель сама по себе и никогда только лишь средство; быть только средством — это против его природы. Если некто отдает мне деньги на сбережение и он хочет получить их обратно, я же не отдаю их ему и говорю, что я могу использовать их для общего блага лучше, чем он, тогда я использую его деньги и его самого только лишь как средство. Если же он должен быть целью, то и его воля также должна иметь цель, как и моя.

Если только разумные существа могут быть целью самой по себе, то они могут это не потому, что обладают разумом, но потому, что обладают свободой. Разум есть только лишь средство. — Человек мог бы посредством ра-

⁸ Естественного права (лат.).

⁹ Сущее само по себе, сущее как таковое (лат.).

¹⁰ Благо само по себе, благо как таковое (лат.).

¹¹ Сущее в отношении другого, обусловленное сущее (лат.).

¹² Сущее само по себе, сущее как таковое (лат.).

¹³ Сущем и благе самих по себе (лат.).

зума, без свободы, по всеобщим законам природы совершать то, что животные совершают посредством инстинкта. — Без разума существо не может быть целью самой по себе, так как оно не может осознавать свое существование, не может размышлять над ним. Но разум еще не составляет причину того, что человек является целью самой по себе и [поэтому] обладает ценностью, которая не может быть заменена никаким эквивалентом. Разум не сообщает нам о ценности. Ибо мы видим, что природа в животных производит посредством инстинкта то, что разум находит только после долгого блуждания. Итак, природа могла бы устроить наш разум полностью в соответствии с природными законами так, чтобы человек сам учился бы читать, изобретал бы всевозможные искусства, и все это по определенным правилам. Но тогда мы были бы не лучше животных. Но свобода, и одна лишь свобода, приводит к тому, что мы суть цель сама по себе. Здесь у нас есть способность действовать по своей собственной воле. Если бы наш разум был устроен в соответствии со всеобщими законами, то моя воля не была бы моей собственной, но была бы волей природы. — Если поступки человека были бы заложены в механизме природы, то их основание было бы не в нем самом, а вне его. — Я должен предполагать свободу существа, если оно должно быть целью самой по себе. Подобное существо, следовательно, должно обладать свободой воли. Как я могу ее постичь, я не знаю; но все же это необходимая гипотеза, если я должен мыслить разумные существа как цели сами по себе. Если оно не свободно, то находится в руках *другого*, следовательно, всегда является целью другого, а значит, только лишь средством. Следовательно, свобода — не только необходимое, но и достаточное условие. Свободно действующее существо должно быть наделено разумом, ибо если бы я аффицировался только лишь чувствами, то я управлялся бы ими. При каком условии свободное существо может быть целью самой по себе? [При условии], что свобода должна сама себе быть законом. Оно должно постоянно рассматриваться как цель и никогда только как средство. Законы суть либо законы природы, либо законы свободы. Свобода, если она должна подчиняться закону, должна сама себе давать законы.

Если бы она брала законы из природы, то она не была бы свободой. — Как свобода может быть сама себе законом? Без законов нельзя мыслить причины, а вместе с тем и воли, так как причина есть то, за чем нечто следует по неизменному правилу. Если свобода подчинена закону природы, то это не свобода. Поэтому она должна сама для себя быть законом. Кажется, что сложно это постичь, и все учителя естественного права заблуждались в этом аспекте, который они так и не открыли. Все законы воли — практические, и они выражают либо *объективную*, либо *субъективную* необходимость. Отсюда *объективные* или *субъективные* законы воли. Первые суть правила самой по себе благой воли, как она поступала бы, вторые — правила, по которым актуально данная воля действительно поступает. — *Субъективные* правила воли сильно отличаются от *объективных*. Человек знает, что он не должен это есть, так как это для него вредно. Это *объективное* правило, [однако не правило воли]. Но он позволяет своей чувственности руководить им и ест, и тогда он поступает по *субъективным* правилам воли. — Если воля существа [таковы ангелы] сама по себе благо, то объективные законы его воли не отличаются от субъективных. — Воля человека — не такого рода, чтобы *субъективные* основания воления совпадали с *объективными*. — Итак, *объективное* правило воления применительно к воле, чьи *субъективные*

правила не совпадают с *объективными*, называется *imperativ*. Для существ, чья воля уже сама по себе благая, ни одно правило не имеет силу *императива*. Императив постольку закон, поскольку он принуждает к поступку саму по себе неблагую волю посредством идеи самой по себе благой воли. Предполагается воля, которая неохотно это делает, следовательно, должна быть принуждаема. Здесь, где случайное должно делаться необходимо, имеет место понуждение (*Necefsitatio*). Человек может выбирать добро и зло. Следовательно, субъективная воля у человека — это случайная воля. У Бога его благая воля не случайна; поэтому-то у него и нет места *императивному* закону, чтобы принудить его к благой воле. Ибо это было бы излишне. Понуждение (*Necefsitatio*) к самому по себе случайному поступку посредством *объективных* оснований — это практическое понуждение, оно отличается от практической необходимости (*Necefsitaet*). У Бога также есть законы, но они имеют практическую необходимость (*Nothwendigkeit*). — Практическое *понуждение* — это *imperativ*, заповедь. Если воля сама по себе блага, то ей совершенно ничего не может быть заповедано. Поэтому у Бога заповедь не имеет места. *Объективная* практическая необходимость у Бога есть также и *субъективная* практическая необходимость. Принуждение — это понуждение к нежелаемому поступку. Соответственно, я должен здесь иметь побудительное основание к противоположному. — Поэтому практические законы также могут быть принуждением; даже если человек делает что-то неохотно, он все же должен это делать. «Я должен это сделать» означает, что необходимый посредством меня поступок был бы хорош. Но отсюда еще не следует, что я это сделаю, ибо у меня имеются также и *субъективные* противоположные основания. Поэтому я и представляю себе тот [поступок] как необходимый. Следовательно, заповеди существуют для несовершенной воли. Практические законы как понуждающие основания поступков называются императивами. Не может быть найдена добродетель у человека там, где не могла бы быть найдена некая степень искушения, которая могла бы эту добродетель низвергнуть. Поэтому просьба «и не введи нас во искушение»¹⁴ является великолепной мыслью. У нас имеется три вида императивов: технические, прагматические и моральные, правила умения, благоразумия и мудрости [1]. Императивы, заповедующие при условии возможного воления чего-то только лишь как средство только лишь возможной и произвольной цели, суть императивы умения. Они встречаются в практических науках, например, [когда] ты должен рассечь линию пополам. Это не императив для каждого, но императив при условии, что хотят достичь только лишь возможную цель (разделение линии на две равных части). Это *императивы* искусства, умения. Сперва мы учимся умению и средствам к целям, не зная и не предполагая, что эти цели будут нам необходимы. Поэтому родители не часто спрашивают, стал ли их ребенок более моральным, но спрашивают, многому ли их ребенок научился. Природа наделила людей инстинктом, дабы их сохранить. Ибо я не знаю, не попаду ли я в ситуацию, где мне может быть это необходимо. Императивы умения только лишь условны и повелевают при условии только лишь случайной и возможной цели. 2. *Императивы* благоразумия — это такие [императивы], которые предписывают средства к всеобщей цели, на которую направлены все *субъективные* основания воления человека, то есть счастье, в котором

¹⁴ Строка из основной христианской молитвы «Отче наш» (Мф. 6: 9–13; Лк. 11: 1–4).

нуждаются все разумные творения. Здесь императивы заповедают при условии действительной цели. 3. Императив мудрости заповедует поступок как саму по себе цель. Правило, что ты не должен врать, может быть умением и средством обмануть других. Оно может быть благоразумием, так как посредством него я могу достичь всех своих замыслов. Посредством него я буду считаться честным, мне будут доверять, будут меня хвалить и т. д. Но я могу рассматривать это правило и как мудрость. Тогда я рассматриваю это не как средство к моей цели. — Мои дела могут идти как угодно, хорошо или плохо, это меня не касается. Но по-прежнему остается закон. Даже если я не могу его исполнить, то закон все же остается для меня по-прежнему достойным уважения. — Это безусловное благо мы рассматриваем намного выше всего того, чего могли бы достичь посредством поступка, если бы мы нуждались в нем как в средстве. — Благодеяние само по себе намного более ценно, нежели то благо, которое благодатель посредством него приобретает, например, что его любят [за совершенное благодеяние] и т. д. — Благие последствия не определяют ценность. Добродетель же сама по себе обладает достоинством, даже если она никак не может быть осуществлена; тогда как благие последствия суть ценности, которые могут быть заменены эквивалентом.

Перевод с нем. Л. Э. Крыштон

(Продолжение следует)